

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ДИГЕСТ ЮСТИНИАНА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РИМСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

1. Дигесты Юстиниана еще в Средние века называли „писанным разумом“, они выполняли и отчасти продолжают выполнять роль „Библии юриста“. Дигесты являются прекрасным источником не только по праву, но и по социально-экономической и политической истории Древнего Рима. Ведь они содержат в себе самую разнообразную информацию о законах, государственных институтах и политических деятелях. В то же время это сборник тысяч казусов, созданных не только воображением римских юристов, но и взятых из реальной жизни. Их изучение позволяет правильно понять многие явления социально-экономической жизни Рима. Наконец, Дигесты, как никакой иной источник, дают филологам-классикам богатейшую юридическую лексику латинского языка. Таким образом, Дигесты являются богатейшим источником не только для юристов, но и для историков и филологов-классиков.

В России юристы (особенно цивилисты) всегда сохраняли и сохраняют глубокое уважение к римскому праву как основе всего современного европейского права. Однако научная юридическая школа римского права была окончательно утрачена еще в 50-е гг. XX в. С другой стороны, российские историки сохранили научную школу изучения римских источников, в том числе и юридических (Н. А. Машкин, Е. М. Штаерман, И. Л. Маяк и др.). Однако в целом историки долгое время порой недооценивали эти источники и необходимость глубоких знаний самого римского права, поэтому они не всегда правильно интерпретировали язык римских юридических понятий и терминов. Также и филологи-классики почти не занимались юридической латынью, достаточно далекой от их традиционных научных лингвистических интересов.

Следует сказать, что еще в середине XX в. российский юрист, проф. И. С. Перетерский проделал гигантскую работу по переводу Дигест Юстиниана на русский язык.¹ Однако этот перевод был издан уже после смерти И. С. Перетерского, лишь много лет спустя. К тому же этот перевод включает в себя фрагменты только первых 26 книг и составляет не более 15 % от общего объема Дигест Юстиниана. Кроме того, заметным успехом романистики середины XX в. является

¹ Дигесты Юстиниана / Перевод И. С. Перетерского. М., 1984.

базовый учебник по римскому праву, изданный коллективом ученых под редакцией И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского, который и по сей день сохраняет свою актуальность.²

Определенный вклад в обогащение наших знаний о римском праве и юридической латыни сделали совместно с юристами и филологи-классики. Речь идет о переводе и издании на русском языке энциклопедии чешского романиста М. Бартошека.³

Наконец, безусловная заслуга историков состоит в том, что они никогда не переставали работать с юридическими источниками, публикуя в том числе и новые их переводы.⁴ Именно историки были инициаторами переиздания известного латинско-русского юридического словаря Ф. Дыдынского.⁵

Все это стало отправной базой, позволившей группе историков, юристов и филологов-классиков, объединенных в Центре изучения римского права, начать работу по переводу всего текста Дигест Юстиниана. С самого начала этой работы группа переводчиков и редакторов столкнулась с целым рядом проблем. Ведь юридическая латынь Дигест Юстиниана – это особый язык, понять и правильно интерпретировать который возможно лишь при глубоком знании не только грамматики, исторических реалий, но прежде всего всей системы римского права. Неточное понимание отдельных юридических терминов ведет к непониманию или искажению смысла целых кусков юридических текстов. С этой проблемой столкнулись не только российские переводчики Дигест, но и их итальянские, английские и немецкие коллеги. Как справедливо отметил проф. Сандро Скипани, ссылаясь на слова древнегреческого переводчика труда Бен Сиры, при всяком переводе на другой язык часто теряется сила (*potenza*) слова первоисточника, особенно если речь идет о юридических терминах, несущих в себе определенную правовую концепцию.⁶

2. Важной целью и одновременно проблемой перевода Дигест является поиск соответствующего русского эквивалента каждому латинскому юридическому термину, что порой вынуждает нас вводить в современный русский язык для обозначения некоторых важнейших римских юридических понятий ряд принципиально новых русских терминов. Но прямой перевод некоторых терминов не всегда возможен, в этих случаях каждый раз приходится решать конкретную проблему в индивидуальном порядке. Так, например, итальянский профессор Антонино Метро обратил внимание на целый ряд латинских юридических терминов, непереводаемых на современный итальянский язык.⁷ Проблемы русских

² Римское частное право. / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1948.

³ Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М., 1989.

⁴ См., например, переводы Павла и Ульпиана известного российского историка Е. М. Штаерман.

⁵ Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права / Под ред. Зориной Н. В., Кофанова Л. Л. М., 1998.

⁶ См.: Schipani S. Intervento di sintesi. Traduzione del Digesto, riflessione sui fondamenti del diritto in Europa // *Scientia iuris e linguaggio nel sistema giuridico romano* / A cura di F. Sini e R. Ortu. Milano, 2001. P. 234–237.

⁷ См.: Metro A. Termini ed espressioni „intraducibili” nella traduzione del Digesto // *Scientia iuris e linguaggio nel sistema giuridico romano* / A cura di F. Sini e R. Ortu. Milano, 2001. P. 35–51.

переводчиков аналогичны. В качестве примера могу привести термин *actio utilis*, дословный перевод которого как „полезный иск“ не только не отражает содержание термина, но и вводит читателя в заблуждение относительно истинного его значения. На сегодняшний день в русском тексте Дигест имеется два варианта перевода *actio utilis*: „иск по аналогии“ по предложению историков и „производный иск“ по предложению юристов.

Переводчикам необходимо было также скорректировать некоторые уже принятые ранее неточные переводы юристов. Так, например, первоначально переводчики в выборе русских эквивалентов латинским юридическим терминам ориентировались на уже имеющийся перевод И. С. Перетерского. Однако при всем уважении к этому действительно великому российскому ученому необходимо отметить, что далеко не во всех случаях его перевод того или иного термина является безусловно правильным. Например, И. С. Перетерский всегда переводит термин *pactum* как „договор“, что в некоторых случаях не только искажает смысл термина, но и приводит к абсурду отдельные утверждения римских юристов. Так, фраза *ne ex pacto actio nascatur* (D. 2, 14, 7, 5) переводилась бы как „из договора иск не возникает“, что прямо противоположно смыслу данного утверждения римского юриста. Соответственно, везде при употреблении термина *pactum* он переводился словом „соглашение“.

Переводы историков также не всегда отличаются точностью, что часто связано с недостаточным знанием римского частного права. Так, например, многие историки, даже такие известные как Е. М. Штаерман, часто переводили термин *propriarius* как „владелец“, а термин *possessor* как „собственник“, не улавливая огромной разницы между институтами собственности и владения.

С той же проблемой незнания римского частного права связаны и ошибки переводов филологов-классиков. Так, например, филологи, стремясь к унификации перевода в разных контекстах одного и того же термина, забывают, что один и тот же термин в разных контекстах имеет иногда прямо противоположное значение. Термин *lex* не всегда означает „закон“. В юридических текстах он может означать, например, и дополнительное к главному договору соглашение сторон. Весьма характерен в этом смысле термин *socius*, значение которого может значительно меняться от контекста. Наиболее нейтральный его перевод на русский язык – это слова „товарищ“ или несколько устаревшее „компаньон“. Однако в зависимости от контекста он может переводиться или как „совладелец“, или как „сособственник“.

Также и грамматика юридической латыни имеет некоторые свои особенности, которые порой ускользают от филологов. Например, право не любит сослагательного наклонения и частицы „бы“, поэтому конъюнктив во многих случаях следует переводить будущим временем, особенно в конструкциях „если..., то...“. Вообще, главное в юридическом тексте – это адекватное отражение смысла текста, а не буквальный перевод, часто искажающий или затемняющий смысловое содержание латинского первоисточника. Здесь мне хотелось бы повторить цитату из Иеронима, удачно примененную Сандро Скипани⁸ по отношению к главной цели

⁸ *Schipani S. Op. cit. P. 231.*

перевода Дигест на современный язык: *alii syllabas aucupentur et litteras, [nos] quaer[amus] sententias*.⁹

Наконец, даже в фонетике юридической латыни есть серьезные расхождения историков и юристов, с одной стороны, и филологов-классиков, с другой. Последние искренне убеждены, что правильно выражение *ius civile* следует произносить как „юс кивиле“, что отражается в переводе филологами латинских имен и названий, в том числе и в юридических текстах. Однако их искренняя убежденность в своей правоте не является истиной в последней инстанции. Более того, я считаю, что эта фонетическая теория построена на песке и может рухнуть как карточный домик. Для меня гораздо более убедительным является мнение римского ученого и адвоката второй половины V в. н. э. Марциана Феликса Капеллы, который в своей книге „*De arte grammatica*“ пишет буквально следующее: „Буква С произносится при выдыхании прикосновением кончика языка к верхним зубам“.¹⁰ Совершенно очевидно, что простое повторение данного упражнения может родить звук „ч“ или „ц“, но только не „к“.

3. Значение русского перевода Дигест для развития высшего юридического, исторического и филологического образования в частности и русской правовой культуры вообще трудно переоценить. С точки зрения юридического образования необходимо отметить следующее. Практически все современное европейское право в основе своей опирается на римское право. Объединение Европы в единое правовое пространство в значительной мере облегчается тем, что юристы этих стран говорят на едином языке основных юридических понятий – языке римского права. До 80 % всех юридических терминов в этих странах – это термины римского права. В современном российском праве юридическая терминология латинского происхождения также занимает весьма заметное место. России как европейской державе сегодня особенно необходимо говорить со странами Европейского Союза на одном юридическом языке, в связи с чем весьма важно готовить специалистов международного и гражданского права с глубоким знанием основ римского права. Ведь аргументированная ссылка на „писанный разум“, т. е. на глубоко продуманные, логически обоснованные и выверенные веками постулаты римского права и сегодня может служить весьма серьезным аргументом при обсуждении международных и общеевропейских правовых вопросов.

Я часто привожу в качестве примера жизненности принципов римского права в современных условиях испанское издание под редакцией проф. Мануэля Гарсия Гарридо сборника юридических казусов, выбранных из Дигест Юстиниана¹¹, который стал в современной Испании бестселлером благодаря огромному интересу к нему не романистов и даже не студентов юридических вузов, а далеких от древнеримского права практикующих юристов – адвокатов. Действительно, для адвоката не важно, когда произошел тот или иной казус, для него важно логическое обосно-

⁹ Hieron. Ep. LVII ad Pammachium, de optimo genere interpretandi, 6: „Одни занимаются слогами и правилами написания, мы же ищем смысла (слов)“.

¹⁰ Marcian. Capell. Satir. III. 261: „C molaribus super linguae extrema appulsis exprimitur“.

¹¹ Garsía Garrido M. J. Responsa. Casos prácticos de Derecho Romano planteados y resueltos. 8a edición. Madrid, 2001.

вание его разрешения, чем особенно богаты Дигесты Юстиниана. Сегодня многие юристы Италии, Германии, Испании, Голландии, Польши и других европейских стран работают над идеей более широкого применения принципов римского права в современной практике. Особенно известна книга немецкого романиста Райнхарда Циммермана, который, отталкиваясь от практики применения так называемого римско-голландского права в современной ЮАР, говорит о желательности и возможности возрождения пандектного права в современной объединенной Европе в качестве ядра общеевропейского гражданского права.¹² России необходимо присоединиться к этому процессу. Перевод Дигест Юстиниана и является тем ключом, который должен помочь России открыть дверь в общеевропейское правовое пространство.

Важность дальнейшей разработки „современного римского права“ связана еще и с тем, что оно находится вне политики и вне современных ангажированных политических и правовых теорий, на что не раз обращали внимание многие романисты, в частности проф. П. Каталано и Дж. Лобрано. Так, еще в 1941 г. итальянский проф. Франческо де Мартино в своей работе „Индивидуализм и римское частное право“¹³ убедительно доказал, что римскому праву не свойствен крайний индивидуализм ни в праве лиц, ни в вещном, ни в обязательственном праве. Дигесты Юстиниана демонстрируют главенство принципа максимально возможного сочетания общих и частных интересов. Например, российский романист В. Савельев на анализе прежде всего Дигест Юстиниана блестяще продемонстрировал, что института абсолютной частной собственности никогда не существовало в Риме, а защита частной собственности, частных интересов была обусловлена соблюдением интересов общественных.¹⁴

Воспитание общеправовой культуры на уровне владения языком римских юридических терминов не менее важно также и для историков и филологов-классиков. Ведь одна из главных общих целей современного гуманитарного образования – это воспитание общеправовой культуры, общества, где право является достоянием всех, а не отдельных элит. Публикация русского перевода Дигест означает возможность для преподавателей вузов использовать этот источник в семинарских занятиях, что будет способствовать освоению юридической латыни и языка римских юридических понятий уже на первых курсах вузов. Это способствует также дальнейшему поиску и разработке русских эквивалентов латинской юридической терминологии. Наконец, критический анализ публикуемого перевода позволит российским ученым развивать качество наших знаний о римском праве и юридической латыни.

Особое значение группа переводчиков придает подготовке последнего, восьмого тома Дигест Юстиниана, в котором будут размещены научные статьи, последовательно комментирующие содержание всех 50 книг Дигест, а также генеральный указатель, главная цель которых – сделать более доступным этот

¹² См.: *Zimmermann R.* The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. 1990.

¹³ *De Martino F.* Individualismo e diritto romano privato. Torino, 1999.

¹⁴ См.: *Савельев В. А.* Римское частное право (проблемы истории и теории). М., 1995. С. 131 и сл.

источник не только для специалистов, но и для всех интересующихся римским правом читателей. Задачей ученых будет, с одной стороны, провести исследование, учитывающее все новейшие научные работы в этой области, с другой – максимально учитывать интересы неспециалистов, например практикующих юристов, адвокатов. Соответственно, будет уделено большое внимание систематизации материала, особенно в подборке и комментировании различного рода юридических казусов. Здесь особую роль будет играть генеральный указатель. Он не будет иметь механистического характера, когда отсылки даются на все случаи употребления того или иного термина, т. к. многие из этих терминов встречаются практически по всему тексту Дигест. В нем будут указываться основные места, дающие характеристику того или иного термина-понятия или его особенностей. Этот указатель отчасти будет играть роль толкового словаря, т. к. латинскому термину будет даваться его русский эквивалент или эквиваленты, а при необходимости и краткая характеристика. Также будут описаны и все основные случаи его употребления.

Работа над последним томом рассчитана на ближайшие 2–3 года в сотрудничестве прежде всего с итальянскими коллегами. Мы намерены также привлечь к сотрудничеству наших испанских и немецких коллег. В то же время мы готовы сотрудничать в этом исследовании с учеными и других стран. В связи с этим представляется, что темой ближайшей конференции по римскому праву могли бы стать именно Дигесты Юстиниана, что послужило бы мощным стимулом в развитии такого сотрудничества.